

Леонов Леонид

29.05.99

146

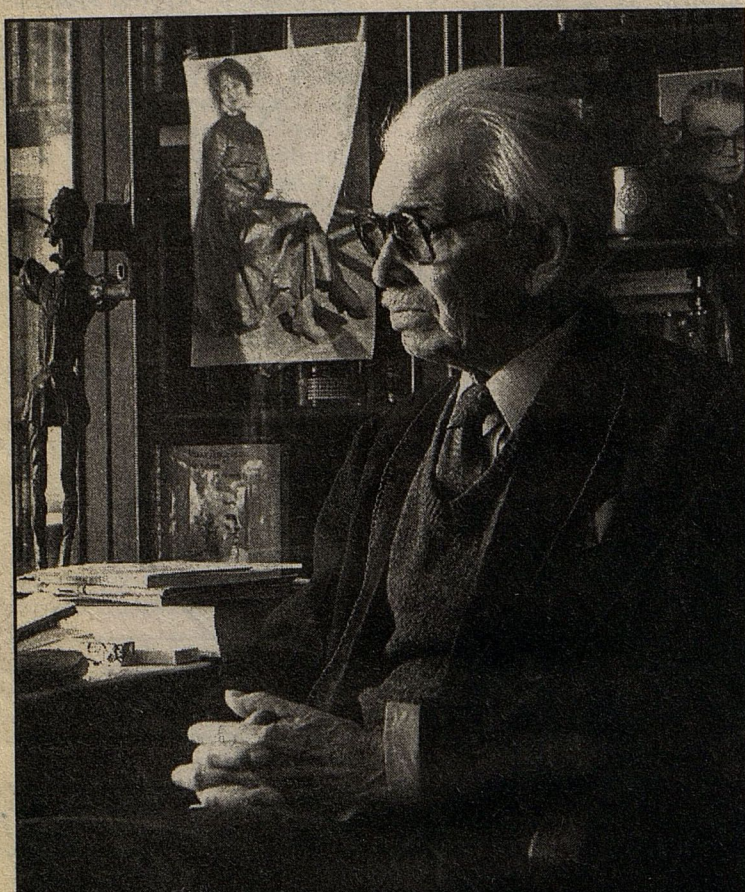

Фото Владимира БОГДАНОВА

К столетию Леонида ЛЕОНОВА

Леонову не повезло: его приватизировали патриоты. Они люди бездарные и скучные, и поднятые ими на знамя писатели тем самым тоже надолго скомпрометированы. Вспомним Есенина, с которым, кстати, Леонов был дружен. Между тем Леонид Леонов, о котором сегодня вспоминают куда меньше, чем о его сверстнике Набокове, был великим русским писателем. Это подтвердит любой, кто взял на себя труд его вдумчивого чтения.

Говорят, стихотворение Евтушенко "Мед" — как барственный советский писатель покупает в голодный военный год, на скудном базаре, полную бочку меда, за которым томились в очереди голодные старики и дети, — теперь им

ничего не достанется, — написано именно о Леонове. Очень возможно. Никто и не расхваливает его человеческие качества. Скорее всего, он был человек жестокий, мрачный, относящийся к людям без особенной любви. И проза у него жестокая, без той поэзии, того внутреннего света, который так и струится со страниц русской классики; и слог тяжел, вязок, при всей виртуозности. Леонов сам признавал ущербность, безблагодатность, духоту мира собственной прозы. Но что с того? У России есть и такой лик, и такая ипостась, и нужен был леоновский мрачный талант, чтобы звероватая и беспутная Россия нашего века не казалась потомкам

УСЕЧЕННАЯ ПИРАМИДА

Дмитрий БЫКОВ

Виз. клуб - 1999 - 29 мая - 63

символом безвинно поруганной чистоты.

Леонов с первых повестей был автором вызывающе несоветским, хотя глубоко русским (вообще тождество русского и советского — выдумка слишком рьяных почвенников и слишком пугливых западников). Славу ему принес "Вор" — роман недостоверно сложный для двадцативосьмилетнего автора. Атмосферу этой книги — мистическую, бродящую атмосферу переходной, полунэповской-полукрасной Москвы 1927 года, полную призраков, ожиданий, подпольных людей, атмосферу бандитской, притонной, придонной жизни, — не забудет ни один читатель. За великую кровь, за опьянение расчеловечивания леоновская Россия платит этой угарной, призрачной жизнью, как платит за свою небывалую жестокость бывший красный командир, а ныне бандит Митька Векшин. Не менее храбр, хотя и более скрытен был Леонов в "Скутаревском". Там старый "спец", профессор, решившийся сотрудничать с большевиками, изобретает способ передачи электроэнергии на расстоянии без проводов, посредством каких-то волн. В его лаборатории лампочка без проводов горит, а на опытной станции не горит. "Что-то не то в воздухе", — говорит он персонажу-большевику. Славная метафора. Следующий леоновский роман — "Дорога на Океан" — вышел несколько скучен, но новаторские принципы его построения оказали на русскую прозу немалое влияние: знаменитый айтматовский "Буранный полустанок" — почти полная калька с него в смысле архитектоники и основных мотивов. До начала оттепели Леонов больше романов не писал, ограничиваясь набросками к будущей главной книге. Этот пе-

риод — со второй половины тридцатых — отмечен несколькими его пьесами, конформными и не особенно удачными. Осмысливать советскую историю и феномен коммунизма он взялся позже.

Неудачей Леопова, на мой взгляд, был и "Русский лес" — удостоенный Ленинской премии, глубоко соцреалистический, плоский и правильный роман, давший название одеколону. Там даже с волшебным, изломанным леоновским языком стало что-то твориться: он опреснел и опрозрачился. Перед тридцатилетним молчанием своим Леонов опубликовал прелестную повесть "Evgenia Ivanovna" с удивительными размышлениями о России и Востоке, — и фантастическую киноповесть "Бегство мистера Мак-Кинли", в которой тема борьбы за мир была лишь прикрытием, а главным была леоновская концепция истории — мрачная, эсхатологическая. В снах о будущем Земли и человечества леоновские герои всегда видят выжженную землю, хлам, какие-то локи... Не спасется никто, поэтому бежать позорно, — таков экзистенциальный пафос этой небольшой, но очень мощной вещи, которая много потеряла даже в талантливой швейцеровской экранизации.

Но главным трудом последних тридцати лет жизни Леопова был двухтомный роман "Пирамида" — фантастическая притча о пришествии на Землю ангелоида Дымкова. Действие ее разворачивается в конце тридцатых в любимых леоновских местах — на московских окраинах. Главный пафос романа — заветная леоновская мысль о несовершенстве человеческой природы, о том, что человек — лишь опытный образец, что соотношение "души и глины" в нем нарушено, и потому человечество обречено на медленное вы-

рождение. Обречены обе цивилизации: и "основанная на силе", как называл Леонов советскую, и "основанная на слабости", как он точно обозначал западную. Сквозной леоновский персонаж, начиная с "Соти" и "Вора" и кончая последней притчей, — именно герой, в котором роковым образом нарушен тот самый баланс огня и глины: это вечный изгой, не способный пристать ни к одному лагерю, ни к одному клану, то звереющий, то кающийся и не знающий собственного пути. Глубоко личная, собственно леоновская боль видна в образе священника, который для спасения семьи, ради устройства на работу, принужден был публично отречься от Бога в клубе, — отрекся и умер. Чувство потерянности, холод изгнания, неприютность оскудевшего жилья — вот атмосфера "Пирамиды". И не дано человеку другого выбора — либо триумф силы и воли, олицетворяемой в романе иезуитом-Сталиным, либо вечная неприкаянность и затерянность: даже ангел-лоид в романе Леопова несвободен. С потрясающей силой описывал восьмидесятилетний Леонов странствия священника, изгнанного из своего прихода и ночующего в склепе на кладбище: такого ощущения бездомности, выпадения из всех контекстов я не встречал в русской прозе нашего века. "Пирамида" — вообще не самый легкий роман, "книга из антивещества", как назвал ее С.Лурье. Умиляться там не над чем, надеяться почти не на что, и крах России выступает лишь как прообраз будущего всемирного краха. Но концепция мироздания и истории, изложенная Леоновым, столь увлекательна, что даже спорить с нею доставляет редкое интеллектуальное наслаждение. Разумеется, есть в "Пирамиде", как в любом боль-

шом романе, провисающие эпизоды и избыточные главы — книга обречена была на лежание в столе, и потому автор, тридцать лет дописывая и переписывая ее, кое-где не остановился вовремя. И вместе с тем это безусловно итоговый русский роман XX века, ставший тревожным и значимым событием для любого, кто не убоился объема книги и трудностей леоновской речи.

В конце жизни Леонов часто плакал. Тем, кто помогал ему готовить "Пирамиду" к изданию, он рассказывал свое детское видение: будто некий старец — Бог или святой — начал творить над ним крестное знамение, но вдруг опустил руку и словно отпустил его. Эту неполноту замысла о себе, незавершенность собственной судьбы Леонов чувствовал неотступно. Он не бунтовал против строя, хотя издевался над ним и сознавал его абсурдность (именно он на просьбу властей написать что-нибудь уничижительное о Союзе ответил, что для этого должен ознакомиться со всем объемом написанного им — просьба издевательская и заведомо невыполнимая). Он не написал многого из того, что мог и должен был написать. Он боролся с неповторимым своим мировидением, со своей сложной и точной речью, чтобы выдавать публикательную, вписывающуюся в советский канон продукцию. В его наследии есть вполне мусорные страницы. Но есть и то, что останется на века — невзирая даже на то, что сегодня советская литература не читается решительно никем. Адепты ее так же безграмотны, как и ниспровергатели. Но к Леонову это уже не имеет отношения. Он свое сказал.